

Катерина Файн

ЧЕЛОВЕК, ПРИСТАВЛЕННЫЙ К ПОПУГАЮ, И ВЕРБЛЮД ОСКАР

Каждое утро человек, приставленный к попугаю, выносил клетку с белым какаду в сад, потягивался и водружал круглособранные алюминиевые прутьики на большое апельсиновое дерево. Вокруг шелестели пальмы, урчали голуби и прыгали разноцветные дети. На ветру клетка раскачивалась, ударялась о ствол, и бедный какаду метался в своем одноместном жилище, как последний африканский интеллигент.

После этой процедуры человек и птица долго ругались на каком-то невнятном птичьем наречии и ненавидели друг друга.

Человеку оставалось меньше полугода до пенсии, и он сильно надеялся, что попугай помрет раньше. Тогда его переведут на более крупную и ответственную работу – управлять верблюдом. По крайней мере, так ему мечталось.

Верблюд Оскар давно перестал быть кораблем пустыни. Его маршрут составлял ровно пятьсот метров полукруга песчаного пляжа отеля «Regina Style». И хотя в день Оскар наматывал до шестидесяти километров – пейзаж оставался тем же.

Человек, приставленный к попугаю, смотрел на верблюда огромными удивленными глазами и причмокивал языком. Оскар был одинок и бесхозен. Прежний его владелец уволился по собственному желанию прошлой весной – женился на северной барышне и уехал осмысливать русский снег. С тех пор верблюд гуляет один. За долгие годы службы Оскар настолько усвоил верблюжью тропу, что боле не нуждался в своем провожатом. Каждый день, невзирая на выходные, отпускные и праздники, он покидал караван-сарай и неспешно бродил вдоль соленого берега. Чахлая уздечка звенела тремя бубенцами. Вокруг шелестели все те же пальмы и урчали голубые голуби. Оскар был счастлив. Временами верблюд тяжело приседал, и смелые дети взбирались на его горбатую желтую спину.

Где-то в глубине души, человек, приставленный к попугаю, понимал: даже если какаду околеет, улетит, или, в конце концов, будет выкуплен, дружба с Оскаром ему все равно не светит. Потому что верблюд был слишком свободен и оригинален. А человек нет. От этого человек ужасно мучился и дважды просил увеличить жалование. Над ним потешались, объясняя, что за одну единицу живности прибавки не полагается. Человек огорчился и, может быть, даже плакал. А потом он принял на воспитание еще четырех птиц – каждую в отдельной клетке. И больше уже не мечтал о свободном верблюде, звенящей уздечке и собственной пенсии, так как жалование ему все-таки повысили.

2006